

Руслан Ходяков

**ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ
КОМАРЫ!**

Оптимистические трагедии

Руслан Ходяков

Здесь водятся комары!

«Издательские решения»

Ходяков Р.

Здесь водятся комары! / Р. Ходяков — «Издательские решения»,

Сборник рассказов в жанре мистический триллер петербургского писателя Руслана Ходякова. Напряженный детективный сюжет, искромётный юмор, неожиданная развязка — не дадут Вам скучать от первой до последней строчки. Читайте также другие произведения Руслана Ходякова: «Запах Женщины», «Королева хакеров», «Лунный плантатор», «Птица Чабос».

© Ходяков Р.

© Издательские решения

Содержание

Я тебя никогда не оставлю	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Здесь водятся комары!
Оптимистические трагедии
Руслан Ходяков

© Руслан Ходяков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я тебя никогда не оставлю

«Ну, че смотришь, сука? Ну!? Ты этого хотела, да? Да, этого? Сейчас... Подожди, падла!»

Руки мои не слушались. Картонная гильза охотничьего патрона никак не хотела входить в ствол дорогого инкрустированного серебром ружья двенадцатого калибра. «Добилась своего? Да-да, добилась! радуйся гадина!» – Щелк! – согнутое буквой «л» ружье выпрямилось. Затвор замкнулся. «Ты думала я испугаюсь, да? Ты думала не смогу? Не-с-с-у-у-мею? С-с-у-у-мею! Е-е-еще как сумею! Ха! Видишь?» – я зловеще улыбнулся и взвел курок.

Мне хотелось быть храбрым и решительным, но зубы предательски отбивали чечетку страха. Кровь, переполненная адреналином заставляла вибрировать каждую мышцу. Я сидел на кухонной пластиковой табуретке. Ватные ноги не повиновались мне и дергались, подпрыгивали как на пружинах, словно невидимый врач-невропатолог бил по моим коленкам маленьким блестящим молоточком с резиновым набалдашником. Хлипкая тяжесть меж ягодиц угнетала. Хотелось сорваться с табуретки и бросится в уборную. Это страх. Я знаю, что это страх. Липкий противный, животный страх.

И она это видит. Она смотрит. Она все видит... и ждет. И дождется. Потому, что это единственный выход. Единственный...

За окном кухни заговорщицки заскрипел снег под колесами автомобиля. Утробно взвыл и заглох, задохнулся двигатель стареньких «Жигулей». Одиноко хлопнула дверца. Третий час ночи. Сосед с первого этажа вернулся с халтуры. Он наверно первым услышит выстрел. У этих ружей тульского завода бой – будь здоров! В данном конкретном случае – мертв. Ба-бах! И все. Уноси покойничка... Менты, менты понаедут! Соседи сбегутся! Кто в чем. Ночь все-таки. Бы-р-р-р! Кровища... Хлюпанье шлепанец... Заспанные ребята из морга... Черт, мысли путаются...

«Сюда смотри! Сюда! Видишь это ружье?» – я поставил ружье на пол, прикладом меж ступней, судорожно зажав его коленями. Обрез ствола оказался на уровне моего рта. Из черного, тусклого отверстия отвратительно пахло застарелым пороховым дымом. Нет, так не пойдет. Пуля пройдет... Черт, как должна пройти пуля?

Ружье было отцовское. С ним мы когда-то, когда я еще учился в «Техноложке», браконьерничали где-то на карельском перешейке, а потом он подарил ружье мне. На день рождения... Хорошее ружьишко! Все хотел его на стенку повесить, да все ни как... Опять мысли путаются. День рождения... Ирония судьбы. Прости папа. Сей час я использую твой подарок по назначению. А назначение ружья, как известно, – пиф-паф – стрелять. Все просто. Легким касанием, без рывков, как учил, нажимаю на спусковой курок, и, как не удивительно, вылетает пулька. В мишень. В живую или неживую. В движущуюся или не движущуюся. Можно в человека. В меня, например. Чем не мишень? Очень даже хорошая мишень!

«Ну, че смотришь!? Нет, в тебя я стрелять не буду. Не берут тебя пули, сука! Сука ты, поняла?» – я посмотрел на ее морду, оскаленную в улыбке. В ее глаза, предвкушающие, жаждущие!

«Сколько горя ты мне принесла, стерва! Но я до тебя доберусь! Мне уже все равно!»

Я вставил ружье в рот, ощущая неприятный кислый вкус метала и тошнотворный запах пороховой гари. Как же пройдет пуля? Я вытянул ноги, продолжая сжимать ступнями приклад, наклоняя ружье от себя прикидывая траекторию полета «волчьего заряда» так, чтобы он прошел через рот в затылок, зажмурился, вытянул руку и плавно, как учил меня отец, надавил на курок.

Огромная поджарая волчица, сидящая передо мной, облизнулась и склонила голову набок.

– Сережа, ты должен бросить ее, Сережа! Слышишь? Я тебя не оставлю. Никогда! Мы будем вместе. Ты должен ее бросить, Сережа! Миленький, любименький, брось ее! Брось! – Лада привстала на цыпочки, с мольбой заглянула мне в глаза и прочитав в них, что-то такое, что очень ее разочаровало, бессильно опустила на каблучки легких замшевых туфель, надула губки и обиженно закуталась в шикарный норковый воротник своего дорогого, ультрамодного пальто.

Пальто доходило ей лишь до середины бедер и промозглый, зимний сквозняк, гуляющий по колоннаде у вестибюля метро «Маяковская» нещадно жалил обнаженные ноги девушки.

Дрожи, но форс держи! Этим она всегда мне нравилась. В любых условиях, при любой растреклятой погоде, всегда на коне. И алчущие взгляды мужиков вокруг.

Я усмехнулся и задумчиво затушил окурок «Кэмела» о шершавую поверхность колонны.

– Лада, ты...

– Посторонись, родимый! – Объемная, как царь-колокол, пожилая женщина толкнула меня огромным животом и прошлась по моим коленям своими не менее увесистыми продуктовыми сумками.

– Прет как с рублем на буфет! А еще говорят, что широкие слои пенсионеров не доедают в условиях экономического кризиса! В кошелках у нее, наверное, то, что она не доела! – по своему обыкновению принялся ворчать я. Такая у меня адекватная реакция на внешние раздражители.

– Сережа, ты мне не ответил! – дернула меня Лада за карман кожаной куртки. Ее миловидное личико посинело от колючего ветра и морозца. Губки, обветрившись набухли.

– Елки-палки, Лада! Сколько можно говорить! – обозлился я.

– Не могу я ее бросить! Не-мо-гу! Хотя бы из-за сына. Бал бы у тебя трехлетний сын, ты бы поняла... Поняла?

– Но нам же хорошо вместе?

– Ну, хорошо, – сказал я и вспомнил вчерашнюю ночь.

– Но мы же любим друг друга?

– Ну, любим, – хотя внутренне я не был так уверен.

– Тогда брось ее! – лицо Лады приобрело детское, капризное выражение. Говоря слово «брось», она даже притопнула ножкой.

– Опять, двадцать пять, японский городской! – я еще больше вышел из себя.

– Я популярно объясняю! Не могу я ее бросить! У меня сын! Понимаешь? Маленький такой... Папа, папа, гули, гули, и все такое. С Мариной я живу уже семь лет. И ее предать я тоже не могу! Если б ты знала, через, что она со мной прошла... Не могу, и не хочу! Все! – я, нервничая, полез в левый карман за сигарами. Достал их, потом вспомнил, что только, что курил, переложил пачку в другую руку и засунул ее в правый карман.

Лада насупилась и расстроено шмыгнула носиком.

Говорят, от внебрачных связей бывают четыре весомых последствия: любовь, дети, банкротство и триппер, там или сифилис, что-то в этом роде... Но видит бог – любовь самое тяжелое из них. Нет, с Ладой мне, правда, хорошо, даже очень! В смысле коечки и в смысле пообщаться, но, навряд ли такое капризное создание как Лада сможет дать мне столько же как уютная, добрая, теплая, привычная Марина.

– Слушай, Беркутов! – Лада зло сощурила глазки и ткнула меня в грудь тоненьким, изящным пальчиком, обтянутым черной лайковой кожей перчатки.

– Если ты не бросишь свою... Как ее там... Марину, – произнося имя моей жены она безразлично поджала губки и сморщила носик.

– То мне наплевать, я сделаю так, что ты ее бросишь! Ты! Сам! Понял? Ты понял? Но это тебе обойдется в тысячу раз дороже.

Я оторопел.

– Ты, что, пойдешь к ней и заявишь: Я спала с твоим мужем!? Так ей то же, как ты говоришь, напле...

– Ты меня не понял. Не она тебя, а ты ее бросишь! – Лада злорадно ухмыльнулась и передрнув плечиками, поежилась.

Холодно все-таки. Глядишь простудится... Нет, ну все-таки, настырная у меня любовница! А я – кремень! Кремень, как договорились!

– Лада, ну знаешь! – я поиграл желваками.

– И времени у тебя на размышление – двое суток с хвостиком! – Лада обворожительно улыбнулась ровной ослепительной фарфоровой улыбкой.

– Пока, родимый, мне холодно. Я пошла, – Она уверенно и сильно пригнула меня к себе, потянув за лацкан куртки, нежно поцеловала меня в губы и как лебедь белый поплыла к стеклянной двери вестибюля. Там она остановилась, театрально повернулась ко мне и грозно пальчиком, проговорила:

– Запомни, Беркутов! Я не собираюсь тебя ни с кем делить! – прозвенел под аркой ее голосок, приглушенный уличным говором. Прозвенел и растаял вместе с Ладой, исчезнувшей за стеклянной дверью.

Я задумчиво потер губы, чувствуя, что этот последний поцелуй Лады был каким-то особенным, не похожим на другие ее поцелуи. И это было нехорошее чувство.

Какой-то мужичек, в потертой шапке ушанке, в благоухающем рыбой овчинном полушубке, в массивных валенках, проходя мимо больно задел меня ящиком с принадлежностями для зимней рыбалки.

– Куда прешь, козел! – рявкнул я на него. Мужик присел от неожиданности, шарахнулся в сторону, пробуя плечом на устойчивость каменную колонну.

Колона, естественно, устояла.

На завтра у нас было воскресенье. А значит выходной. А значит ни хрена делать не надо. Контора на замке, замок на сигнализации, сигнализация у милиции, Витька Гаршин – мой друг, кореш, дольщик и собутыльник, зависает у Ладиной подруги – Таськи (так уж получилось). Короче, пива выпить не с кем. По сему мне пришлось довольствоваться, что после сытного Марининога обеда я возлежал на диване в буржуазном китайском халате, на котором по атласу золотом были вышиты лупоглазые драконы, одной рукой поглаживая ушибленный давеча живот, а другой сжимая пульт от видика, по которому сонно гонял очередной боевик с Джеки Чаном, изредка выключая ускоренную перемотку, чтобы рассмотреть особенно мордобойные места. Марина на кухне гремела посудой и слушала «Европу-Плюс». Пашка, бороздя пузом просторы плюшевого паласа, устраивал авто гонки «Дойче турен ваген» с ужасным количеством аварий. Изредка из кучки матчбоксовских машинок вываливалось одинокое колесико, дверца или капот. Большой спорт не обходится без жертв. Имитируя губами рев моторов, скрежет тормозов, Пашка гонял машинки взад-вперед, периодически сталкивая их друг с другом, нещадно вырывая с ковра ключья бельгийского ворса. Джеки Чан на экране входил в раж, направо и налево круша черепа, грудные клетки и берцовые кости. Денек обещал быть тоскливым. Лада на звонки не отвечает. Сумасбродина! Интересно, что она себе там вообразила? Или она просто страшит. Мне, в общем-то, наплевать. Но знаете ли, лишние неприятности и все такое... О, боги, боги! Яду мне! Яду! Тоска, то какая...

– А-а-а-а-а-а... больно-о-о-о-о! Папа, больно-о-о-о-о! – как маленькая игрушечная серена, завелся мой Пашка, демонстрируя миру порезанный палец, по которому стекала ярко-красная капля сворачивающейся на глазах крови. Я нажал кнопку «пауза» на пульте. Физиономия, перекошенная Чановским ударом, застыла на экране, – Маша! – крикнул я в дверь гостиной, опуская ноги с дивана и беря ручку сына за запястье.

– Принеси йод и бинт. Пашка порезался!

– А-а-а-а-а...! – ободренный заботой еще громче взревел Павел. Одновременно с ним жалобно захныкал телефонный звонок.

– Маша, где ты там? – занервничал я, перенося свисающую каплю крови на свою ладонь, чтобы она не упала на многострадальный ковер. В дверях комнаты появилась Марина, как хирург, держа перед собой руки, обтянутые резиновыми перчатками для мытья посуды.

– Что-случилось-о-Господи! – скороговоркой проговорила она, не сразу вникнув в ситуацию. Пашка захлебывался. Телефон неистовствовал.

– Фу ты, черт! – фыркнул я, глядя на розовые мокрые перчатки с хлопьями пены между пальцами.

– Подержи ему руку, чтоб ничего не вымазал!

Марина взяла Пашку за обе руки и успокаивая, стала целовать его заплаканные глаза. Я, наступив на миниатюрную модель «Мерседеса», поскользнулся, и, едва удержав равновесие, бросился в ванную, где у нас висела аптечка первой помощи при осколочных ранениях и поносах, клейменная красным крестом и полумесяцем. На ходу схватив с подставки изнемогающий телефон, чертыхаясь и матерясь, прикладывая его к уху, я вломился в ванную и распахнул дверцу аптечки.

– Алло, Сережа, это ты? Это Витя звонит, – прошуршало в трубке.

– Здорово, как Таська? Не забодал еще бедную девушку? (Где же тут бинт?)

– Сереж, ты понимаешь какое дело... – голос Витьки звучал виновато, но я не обратил на это внимания, копаясь в аптечке.

– Ну ... (Ага, вот бинт. А йод?) – Лада умерла.

– Хорошо, (Вот и Йод). Что???

«Дзинь» – пузырек йода выскользнул из моих рук, шлепнулся о белый кафельный пол ванной и разлетелся вдребезги, впустив гигантскую амебу темно-коричневого цвета, ощерившуюся острыми лучами, Мелкие осколки пузырька засверкали в каштановой лужице. (Бриллианты в пыли – почему-то всплыла у меня в памяти неизвестно где услышанная фраза).

– Врачи говорят – чего-то там с сердцем... Врожденный порок, понимаешь, – голос Витьки стал еще более виноватым, – вчера вечером забрали. Прямо из дома. Дверь была открыта. Соседка зашла, а она там... Уже мертвая. Я только приехал – мне Таська и рассказывает. Я сразу – тебе... Правильно, а? – Правильно ... – пробормотал я, продолжая глядеть на лужицу йода.

– Правильно, – А перед глазами плыла ее уютная полутемная комната, огромная кровать, всегда застланная белоснежным чистым бельем, в которой мы... О, Господи! – Сережа, ты живой, а? – мялся Витька на другом конце провода. Сквозь шум доносились отдаленные всхлипы. Наверное, плакала Тася.

– Ну, что, Сережа?! – в дверях ванной появилась Марина, уже успевшая снять перчатки, держа на руках довольно улыбающегося Пашку, измазанного собственной кровью, тычущего мне под нос порезанный палец:

– Папа, боляка. Вава!

– Витя, я потом тебе позвоню, – сказал я в трубку и дал отбой.

– Сережа, что случилось? У тебя такие глаза ... – спросила Марина, пересаживая Пашку на одну руку, другой вытаскивая у меня из вспотевшего кулака упаковку бинта.

– Йод разбил...

– Какие у меня глаза? – ни с того ни с сего рявкнул я на нее и прошел из ванны на кухню, продолжая сжимать телефонную трубку. Пашка широко раскрыл глаза и удивленно посмотрел на меня. Он редко видел меня злым и лишь иногда рассерженным. Входя на кухню, я услышал, как он спрашивает мать:

– Мама, папа злой, да? Папа злой? – Да, папа сердится, у него неприятности... Не трогай его, – нервно проговорила Марина, пустила в раковину теплую воду и принимаясь отмывать от крови Пашкины пухлые ручки.

Я вошел в кухню, поставил трубку телефона на стол, достал из шкафа непечатую пачку «Кэмела» и как чеку с гранаты резко со рвал с нее обертку. Достал сигарету. Делая глубокие продолжительные затяжки, прикурил от газовой плиты на которой стояла кастрюля с каким-то Маринкиным варевом, рухнул на табуретку и только тут заметил, что серая пластмасса радиотелефона измазана Пашкиной кровью. На сером кровь казалась темной, бордовой. Я сидел, курил сигарету за сигаретой, глядя на заляпанную трубку телефона. В дверь кухни изредка с опаской заглядывала Марина, но, не решаясь ничего спросить, уходила. Я курил. Тяжело набирая полную грудь дыма, чувствуя, как он режет мне гортань, бронхи, заполняя каждый уголок легких. Мыслей не было, и они были. Они метались, сталкиваясь и разлетались в стороны. Словно кто-то играл в пустоте на бильярде, мягкими, тряпичными шарами. Как? Почему? Временами хотелось встать, куда-то бежать, с кем-то говорить, кого-то умять, что-то доказывать, о чем-то просить. О чем? О том, чтоб ее оживили? Глупость. Все равно, вдруг что-то еще можно сделать! Вдруг она просто притворилась! Помнишь, Беркутов, как после любви, раскинув руки, закрыв глаза и не дыша. Э-э-э, парень, сдай свою голову на трепанацию умелому хирургу. Глядишь, он выкроит тебе хотя бы одну извилину. – Черт! – я засунул указательный палец в рот, чтобы унять боль от ожога, сделанного истлевшей сигаретой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.